

УДК 811.161:81'255

О.И. ПРИЙМАЧОК,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры
истории и культуры украинского языка Восточноевропейского
национального университета имени Леси Украинки (г. Луцк)*

УКРАИНСКИЕ И РУССКИЕ ПАРЕМИИ В РАННЕЙ ПРОЗЕ Н. ГОГОЛЯ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье исследованы структурно-типологические особенности украинских и русских паремийных образований из ранней прозы Н. Гоголя, определены их семантика, стилистические возможности и функциональный объём. Доказано, что паремии являются ярким средством проявления и формирования национальной смеховой культуры.

Ключевые слова: паремия, художественный текст, народная смеховая культура.

Изучение литературного наследия украинца Н. Гоголя, ставшего классиком русской литературы, имеет давнюю традицию. Стилистический анализ его произведений выявляет как объективные процессы в развитии русского литературного языка, так и субъективное, авторское отношение к тем или иным сторонам жизни. Интерпретация гоголевской системы комических приёмов изображения разных сторон человеческой жизни, философско-эстетический ракурс гоголевского смеха в различные периоды творческой эволюции художника были объектом исследования многих учёных (М. Бахтин, Ю. Манн, В. Пропп, М. Браун, М. Бересфорд, А. Крживон). Ведь смех – категория философская, универсальная, имеющая множество граней, а основа основ – народный смех, иногда беспощадный и обличающий, но в основном добрый и жизнеутверждающий. У каждого народа своя культура смеха, и далеко не всякому художнику по силам отобразить её так, как это получилось у Н. Гоголя, которого М. Бахтин считал своеобразным «генератором» украинской народно-смеховой культуры [1]. Одной из её важнейших сторон являются специфические речевые средства, анализу которых и посвящена данная статья. Конкретным предметом исследования являются разнообразные паремийные единицы (пословицы, поговорки, клятвы, заклинания, проклятья и т. п.), использованные Н. Гоголем в своих ранних произведениях. Для достижения цели работы необходимо решить следующие задачи: установить жанровое своеобразие использованных Гоголем паремий; описать их структурно-семантические типы; определить их место и функции в различных по идейно-тематическому содержанию ранних повестях (сборники «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород»).

Паремии, как известно, используют метафорический или смешанный способ репрезентации своей внутренней формы, имеют высокую степень экспрессивности, образности, эмоциональности. Это, как правило, обороты с двойной мотивационной природой, которая, с одной стороны, даёт возможность расшифровывать, сохранять и передавать от поколения к поколению их содержание, а с другой – служит прекрасным средством экспрессии и выразительности. Ведь пословица – это одновременно и знак определённой ситуации, и отношение к этой ситуации, и наставление, и пожелание. Причём значительное количество паремий имеет выразительно юмористический, саркастический или иронический колорит, заключённый уже в их внутренней форме (это, прежде всего, лексическое наполнение и/или особая синтаксическая организация). Это, однако, вовсе не означает, что паремия, не

имеющая в своей внутренней форме ничего смешного, не может быть спроецирована на комическую ситуацию. Напротив, чем меньше в паремии стилистически маркированных элементов, тем большее количество внеязыковых ситуаций она может представлять.

В ранних повестях Н. Гоголя встречаются такие пословицы и поговорки, которые комичны уже сами по себе и поэтому являются исконным ярким средством народно-смеховой культуры, но есть и такие, которые становятся только частью юмористической ситуации, а значит, именно великолепное языковое чутьё Гоголя превращает их в элементы смеховой стилистики. Для обоснования этого тезиса рассмотрим некоторые эпизоды из повестей, причём целесообразнее начать с паремий с исконным комическим или ироническим смыслом, поскольку именно они являются концентрированным выражением комизма ситуации.

Так, например, в предисловии к 1 части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Рудый Панько, характеризуя вычурную манеру изложения («как в печатных книжках») одного паньча и оправдывая тем самым свою простую и доступную манеру изложения, обратил внимание на то, что другие рассказчики сделали паньчу замечание, на что тот обиделся и «проворчал про себя чуть ли ещё не поговорку: *Не мечите бисер перед свиньями*» [2, с. 61]. Употребив это древнее евангельское выражение в свою защиту, паньч фактически обругал всех присутствующих и спровоцировал ссору. А Рудый Панько, объясняя, почему таких рассказов нет в его сборнике, замечает: «Ничего, хоть убей, не понимаешь. Откуда он слов набрался таких!» [2, с. 61].

Эпиграфом к XI части «Сорочинской ярмарки» стала украинская пословица *За мое ж жито та мене й побито* [2, с. 87]. Выбор этой паремии совершенно не случаен, так как эпизод повествует о том, что хлопцы ловят и вяжут Солопия Черевика как вора, якобы укравшего у Черевика (то есть у самого себя) кобылу. В этом случае пословица справляется с двойной задачей: во-первых, настраивает читателя на ироническое восприятие описанной ниже сцены, и, во-вторых, прекрасно играет роль эпиграфа, который в афористически краткой форме народной мудрости выражает основную коллизию данной части повести. Кстати, превращение пословицы в эпиграф своего произведения характерно и для зрелого Гоголя. Так, через шесть лет после первого издания и постановки «Ревизора» в ответ на критику автор предваряет комедию коротким народным выражением: *На зеркало неча пенять, коли рожа крива*.

Сельский голова из «Майской ночи», выслушав в своём же доме довольно нелестные отзывы о себе пьяного Каленика, говорит: *Эге! Влезла свинья в хату, да и лапы сьёт на стол* [2, с. 122]. Эта реплика – не что иное, как перефразированная пословица *Пусти свинью за стол – она и лапы на стол*, которая наилучшим образом характеризует и сложившуюся ситуацию, и её участников.

Красавица Оксана, посмеиваясь над чувствами влюблённого Вакулы («Ночь перед Рождеством»), великодушно позволяет любоваться собой издалека. Но как только кузнец осмелел и хотел было поцеловать её, она тут же оттолкнула его со словами: *Чего тебе ещё хочется? Ему когда мёд, так и ложка нужна!* [2, с. 161]. Так устами героини Н. Гоголь передал на русском языке известную украинскую поговорку *Як мед, то й ложку*.

Вот несколько эпизодов из повести «Тарас Бульба». Последняя надежда увидеть живого сына была связана у Тараса с Янкелем и его товарищами. Умоляя их о помощи и особо не заботясь об этической стороне, Бульба восклицает: *Слушайте, жиды!.. Вы всё на свете можете сделать, выкопаете хоть из дна морского; и пословица давно уже говорит, что жид самого себя украдёт, когда только захочет украсть. Освободите мне моего Остапа!* [3, с. 130].

Решив спасти прекрасную полячку от голодной смерти, Андрий искал в казацких куренях хоть что-нибудь съестное, которое должно было остаться после очень обильного ужина. После долгих, но тщетных поисков «поневоле» пришла ему в голову поговорка: *Запорожцы как дети: коли мало – съедят, коли много – тоже ничего не оставят* [3, с. 74].

Пан сотник и Хома Брут из «Вия» недоумевали, почему покойная панночка просила именно философа читать три ночи Священное писание. У Хома Брута не нашлось другого объяснения, кроме того, что уже зафиксировано в народной мудрости. *Известное уже дело, что панам подчас захочется такого, чего и самый наиграмотнейший человек не разберёт; да и пословица говорит: «Скачи, враже, як пан каже!»* [3, с. 165].

Среди наиболее распространённых средств создания комического в структуре послловиц и поговорок – употребление эмоционально и стилистически маркированных элементов, соединение обычно несопоставимых понятий и явлений, иронический парадокс, антифразисные высказывания (алогичность сопоставления определенных ситуаций с целью имплицитного выражения отрицательных явлений). Логическое в мышлении, а значит, и в речи – это закономерная связь и совершенно необходимое развитие мыслей. Нарушение же традиционных выводов из практической деятельности человека, которое, однако, не приводит к возникновению у читателя чувства трагичности, неотвратимости последствий, возникших в результате нелогичности процесса, и может вызывать комический либо иронический эффект, заключённый уже в самой паремии.

Однако, «монтируясь» в коммуникативный процесс и попадая в определённые контекстные условия, любая, даже не специализированная на выражении смешного паремия может помочь в создании комического эффекта, усилить его. Случаи именно такого употребления находим и в ранних повестях Н. Гоголя.

Сопоставим для начала функции одной и той же пословицы в повести «Вий». В первом эпизоде речь идёт о том, что ректор бурсы приказывает Хоме Бруту немедленно отправляться на хутор, чтобы в течение трёх дней отпевать дочь сотника. Поскольку философ был явно не в восторге от такой миссии, то у него даже мелькнула мысль сбежать по дороге. Но, увидев казаков, которые должны были его сопровождать, Хома Брут смирился: *Что ж делать? Чему быть, того не миновать!* [3, с. 159]. И весь контекст, и употреблённая в нём паремия лишены какого-либо комизма, более того, здесь звучит уже довольно прямой намёк на безвыходность ситуации и на те трагические перипетии, которые ожидают главного героя.

Совершенно иной фон создан в другом эпизоде, повествующем о поведении и характере Хома Брута в бурсе: *Философ Хома Брут был нрава весёлого. Любил он очень лежать и курить люльку. Если же пил, то непременно нанимал музыкантов и отплясывал тропака. Он часто пробовал крупного гороху, но совершенно с философическим равнодушием, – говоря, что чему быть, того не миновать* [3, с. 151]. Все тяготы и проблемы бурсацкой жизни (в том числе и телесные наказания) уравниваются у Брута ироническим замечанием, выраженным той же самой пословицей. Совершенно ясно, что чем более ёмкой по смыслу является пословица, тем к большему количеству ситуаций она может быть привлечена.

Аналогичным по стилистической окраске является употребление известной паремии *Чем дальше в лес, тем больше дров* в повести «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка». Иронизируя по поводу умственных способностей Ивана Фёдоровича и особо подчёркивая его «успехи» в образовании, Н. Гоголь пишет: *Было уже ему без малого пятнадцать лет, когда перешёл он во второй класс, где вместо сокращённого катехизиса и четырёх правил арифметики принял он за пространный, за книгу о должностях человека и за дробь. Но, увидевши, что чем дальше в лес, тем больше дров, и получивши известие, что батюшка приказал долго жить, пробыл ещё два года и, с согласия матушки, вступил потом в П*** пехотный полк* [2, с. 241]. Именно эта пословица, употреблённая в таком специфическом контексте, даёт полное представление и об уровне развития, и об общем кругозоре, и об идеалах главного героя.

Ещё одним ярким примером появления контекстуально обусловленного иронического значения у пословицы является сцена из «Тараса Бульбы». Речь идёт о жизни запорожцев во время облоги города Дубно, когда многие, особенно неопытные казаки от бездействия просто затосковали. Обращаясь к Андрию, Тарас говорит: *Неразумная голова... Терпи, козак, – атаман будешь! Не тот ещё добрый воин, кто не потерял духа в важном деле, а тот добрый воин, кто и на безделье не соскучит, кто всё вытерпит...* [3, с. 69]. Алогизм, появившийся в результате соположения понятий «терпение» и «безделье», и привёл к неожиданному ироническому эффекту.

Но, пожалуй, наиболее оригинальным с точки зрения использования паремийного фонда является у Н. Гоголя моделирование ситуации, соответствующей известной паремии. Таков, на наш взгляд, весь сюжет повести «Ночь перед Рождеством», в которой кузнец Вакула, одерживая победу над чёртом и даже используя его силу в своих интересах, творит настоящие чудеса и доказывает, что человек сильнее нечистой силы. А весь послед-

ний абзац повести является аллюзией пословицы *Не так страшен чёрт, как его малюют: ...на стене... намалевал Вакула чёрта в аду, такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо...* [2, с. 197].

В общем нам удалось обнаружить не более десяти случаев употребления пословиц и поговорок в ранних повестях Н.В. Гоголя. Это совсем не мало, особенно если учесть, что пословица – это отдельный текст, и любое привлечение его в другой текст может вызвать у читателя массу ассоциаций, потребовать от него определённых знаний и должного уровня подготовки. Поэтому Гоголь, большой знаток украинского фольклора, очень осторожно использует такие идейно ёмкие и насыщенные выражения, как пословицы.

Что же касается других паремийных жанров, то они гораздо чаще встречаются на страницах ранних повестей. Так, например, в любом паремийном фонде есть пожелания и проклятия, причитания и заклинания, божба и клятва, сквернословия и заговоры, причём большинство из них существует в виде строго определённых клише, состоящих как из постоянных, так и переменных компонентов [4]. Многие исследователи единодушны во мнении, что стиль народной смеховой культуры ранних повестей воспроизведён Гоголем не только в специфические карнавалы сцен избиения, препятывания, путаницы, неразберихи, переодевания, но и в привлечении определённых речевых элементов, которые по своему происхождению неоднородны и наверняка выполняли особые функции в языке древнего человека. В самом общем виде – это функция магическая, которая была тесно связана с языческими ритуалами, а те, в свою очередь, отображали миропонимание славянина, его диалог с миром. Христианство мало изменило развитую языческую демонологию, но со временем изменились сами взгляды на неё: сверхъестественная сила окончательно превратилась в нечистую силу, во зло.

В ранних романтических повестях Н. Гоголя зло связано в основном с образом чёрта. Но если в одних произведениях («Ночь накануне Ивана Купала», «Страшная месть») чёрт предстаёт во всей своей зловещности, против которой человек бессилён, то в других («Сорочинская ярмарка», «Ночь перед Рождеством») он поддается карнавализации, то есть зло побеждается смехом, что как раз характерно для народной смеховой культуры. Именно в таких повестях употребляется огромное количество фразем, созданных по образцам древних заклятий, проклятий, пожеланий, клятв и т. п.

Довольно часто в уста своих героев Н. Гоголь вкладывает обычные для любого христианина пожелания добра, здоровья, Божьей милости и ласки, которые выполняют функции этикетных формул. Например: *Здравствуйте, панове! Помогай Бог вам!* [2, с. 186]; *Нечего сказать, хитрая была бестия, – дай Боже ему царствие небесное!* – умел отделаться всегда [2, с. 267]; *Когда вы проезжали осенью через Диканьку, то погостили, дай Боже вам всякого здоровья и долголетия, без малого два дни* [2, с. 186]; *Дед мой, царствие ему небесное, умел чудно рассказывать* [2, с. 94]. Иногда такие пожелания имеют весьма необычное продолжение, часто вызывающее комический эффект: *К тебе пришёл, Пацюк, дай Боже тебе всего, добра всякого в довольствии, хлеба в пропорции!* – Кузнец иногда умел ввернуть модное слово [2, с. 176]; *Дай тебе Бог небесное царство, добрая и прекрасная панночка, – думал Левко про себя. – Пусть тебе на том свете вечно усмехается между ангелами святыми!* [2, с. 135]; *Боже, благослови!* – сказал Черевик, складывая им руки. – *Пусть их живут, как венки вьют!* [2, с. 91]. Как видим, подобные благожелания не обязательно связаны с упоминанием христианских ценностей, ведь формально эти обороты восходят ещё к дохристианским временам, а их лексическое наполнение демонстрирует симбиоз новой морали с традиционными ритуалами.

Ещё более многочисленной и интересной по составу является группа паремий, представляющая так называемую божбу, то есть клятву в правдивости своих слов, которая, как правило, построена по двучленной модели: пусть что-нибудь плохое со мной случится, если я лгу или не сдержу обещание. Вот только некоторые, самые яркие примеры: *Клад! – закричал дед. – Я ставлю Бог знает что, если не клад!* [2, с. 267]; *Эх, хват! Вот Бог убей меня на этом месте, если не высушил Голопупенко при мне кухню мало не с твою голову, и хоть бы раз поморщился* [2, с. 88]; *А не врешь ли ты, пан философ? – Вот на этом самом месте пусть громом так и хлопнет, если лгу* [3, с. 165]; *Если сейчас не станет передо мною молодецкий конь мой, то вот убей меня гром на этом самом нечистом ме-*

сте, когда я не перекрещу святым крестом всех вас! [2, с. 146]; Пусть трава порастёт на пороге моего дома, если я путаю! [3, с. 93]; Я готов вскинуть на себя петлю и болтаться на этом дереве, как колбаса перед Рождеством на хате, если мы продадим хоть одну мерку [2, с. 72]; Утонул, ей-богу, утонул! Вот чтобы я не сошла с этого места, если не утонул! – лепетала толстая ткачиха [2, с. 192]; Вот чтобы мне воды не захотелось пить, если старая Переперчиха не видела собственными глазами, как повесился кузнец! [2, с. 192]; Если не отдадите сей же час моей козацкой шапки, то будь я католик, когда не переверочу свиных рыл ваших на затылок! [2, с. 144]; И ты туда же, кум! Чтобы мне отсохнули руки и ноги, если что-нибудь когда-либо крал, выключая разве вареники со сметаной у матери, да и то когда мне было лет десять от роду [2, с. 88]; Чтoб мне поперхнулось за акафистом великомученице Варваре, если не чудится, что вот-вот сам всё это делаешь, как будто залез в прадедовскую душу... [2, с. 137]. Наибольшее количество таких клятв звучит из уст героев повестей «Сорочинская ярмарка», «Пропавшая грамота», «Ночь перед Рождеством», «Вий».

Однако самую пёструю и колоритную группу паремий, употреблённых в ранних повестях Н. Гоголя, составляют так называемые проклятия. Более века тому назад известный фольклорист Н.Ф. Сумцов писал: «В проклятиях немало силы и выразительности, что чувствовали и чем по-своему пользовались выдающиеся писатели Котляревский, Гоголь, Квитка...» [5, с. 15]. Действительно, у Н. Гоголя встречаются как традиционные, известные ещё с языческих времён проклятия, вошедшие впоследствии практически во все паремийные сборники, так и единицы, сконструированные им самим по заданным моделям. Из традиционных формул встречаем: *Цур тобі, пек тобі, сатанинське наваждєнє* [2, с. 85]; *Ещё никакого дела с панночками не имел, сколько живу на свете. Цур им, чтоб не сказать непристойного* [3, с. 165]. По данной модели сконструированы следующие проклятия: *Я думаю, какая это шельма строит штуки! А это, выходит, всё ты, невареный кисель твоему батьке в горло, изволишь заводит по улице разбои...* [2, с. 133]; *Спичка тебе в язык, проклятый кнур! – подумал философ* [3, с. 182].

Довольно часто в лексическом составе проклятий встречается наименование нечистой силы: *Проклятые грабли! – закричал школьник.., – как же они, чёрт бы спихнул с мосту отца их, больно бьются!* [2, с. 61]; *Покажите сей же час мешок ваш! – Лысый чёрт тебе покажет, а не мы!* [2, с. 181]; *Схватил своими лапами и толкает. Чтoб тебя на том свете толкали черти!* [2, с. 125]; *Я не посмотрю на какого-нибудь голову. Чтo он думает, дидько б утысья его батькови, чтo он голова...* [2, с. 115]; *А что ж вы – так бы и этак поколотил чёрт вашего батька! – что ж вы делали сами?* [3, с. 61]; *А католиков мы и знать не хотим: пусть им чёрт приснится* [3, с. 63]; *Чтoб вы перелопались, дьявольское племя, – закричал дед* [2, с. 145].

Во многих подобных паремиях изменения в лексическом наполнении содействуют трансформации магической функции в развлекательную [6, с. 268]. Такие шуточные выражения используются с целью разрядить ситуацию, не прибегая к сквернословью, но тем не менее якобы оставаясь в рамках проклятия. Например: *Заседатель, чтоб ему не довелось обтирать губ после панской сливянки, отвёл для ярмарки проклятое место...* [2, с. 72]; *Надобно же было, – продолжал Чуб, – какому-то дьяволу, чтоб ему не довелось, собаке, поутру рюмки водки выпить, вмешаться!* [2, с. 157]; *Это кузнец!.. чтоб ему набежало под обоими глазами по пузырю в копну величиною!* [2, с. 171].

Парадоксальное содержание отдельных паремий не только создаёт иронический колорит, но и порождает эффект неожиданности, потому что фактически в форму проклятия облечено какое-то благожелание. Например: *Дед мой (царствие ему небесное! чтоб ему на том свете елись одни только буханцы пшеничные да маковники в меду!) умел чудно рассказывать* [2, с. 94]; *Дед был тогда ещё жив и на ноги – пусть ему легко икнётся на том свете – довольно крепок* [2, с. 264]. Н.Ф. Сумцов справедливо подметил: «Малороссы не даром сльвут юмористами. Лёгкая насмешка, шутка проникла у них даже в проклятия, чего, кажется, нет у других народов» [5, с. 17]. Гоголь очень тонко почувствовал это и продемонстрировал прекрасные образцы обыгрывания паремийного запаса, что вполне соответствует исконной тяге человека к игре слов, к своеобразному жонглированию словесным материалом.

Как свидетельствует собранный материал, степень употребительности паремий в ранних повестях Н.В. Гоголя тем выше, чем белее оптимистичен общий пафос произведения. Самая большая концентрация паремий – в речи героев «Ночи перед Рождеством», «Сорочинской ярмарки», «Майской ночи», «Заколдованного места», а также в речи самого рассказчика – Рудого Панька, представленной в предисловиях к обеим частям «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Повести же из сборника «Миргород» характеризуются и совершенно иной тематикой, и иной патетикой, поэтому указанные паремийные жанры в них практически отсутствуют. Правда, как в «Вечерах...», так и в «Миргороде», есть исключения из общей закономерности. Таковым, например, является повесть «Страшная месть» из первого сборника, с абсолютным преобладанием черт печального и даже трагического. Её стилистика напрочь лишена какого-либо комизма как в содержательном, так и в речевом плане. Что же касается второго сборника, то здесь самой оригинальной по сюжету, общему настрою и языку является, конечно, повесть «Вий», которая особо выделяется и по частоте появления в ней паремийных единиц (полтора десятка случаев).

Таким образом, функционально-типологический анализ паремий из ранней прозы Н.В. Гоголя показывает, что они действительно являются одним из немаловажных компонентов создания особой, непринуждённой, «ярмарочной» стилистики, воссоздающей неофициальный народно-смеховой аспект мира. Являясь элементами смеховой культуры украинского народа, различные виды паремий (поговорки, пожелания, проклятия, клятвы и божба) закономерно появляются там, где «правит бал» жизнерадостный и жизнеутверждающий смех от избытка сил и свободы духа – в противовес гнетущим будням и повседневной серьёзности. Паремийные обороты здесь функционируют не столько для того, чтобы передать закодированную информацию об объективной действительности, сколько для того, чтобы интерпретировать и оценивать её. Художественная речь является механизмом, содействующим кодированию и трансляции национальной культуры. Именно текст, непосредственно связанный с культурой, пронизанный значительным количеством культурных кодов, хранит в себе информацию по истории, этнографии, национальной психологии и поведенческим стереотипам народа.

Список использованных источников

1. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. Бахтин. – М.: Худ. лит., 1990. – 526 с.
2. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 8 т. / Н.В. Гоголь. – М.: Правда, 1984. – Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки. – 384 с.
3. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 8 т. / Н.В. Гоголь. – М.: Правда, 1984. – Т. 2: Миргород. – 320 с.
4. Наконечна О. Лінгвістична організація українських побажань, заклинань і прокльонів / О. Наконечна // Науковий вісник ВДУ імені Лесі Українки: Філологічні студії (слов'янська філологія). – 1999. – № 6. – С. 31–34.
5. Сумцов Н. Ф. Пожелания и проклятия / Н.Ф. Сумцов. – Харьков: [б.и.], 1896. – 26 с.
6. Пермяков Л.Г. К вопросу о структуре паремиологического фонда / Л.Г. Пермяков // Типологические исследования по фольклору. – М.: Наука, 1975. – С. 247–274.

У статті досліджено структурно-типологічні особливості українських та російських паремійних утворень з ранньої прози М. Гоголя, визначено їхню семантику, стилістичні можливості та функціональний обсяг. Доведено, що паремія є яскравим засобом формування та прояву національної сміхової культури.

Ключові слова: паремія, художній текст, народна сміхова культура.

The article deals with structure-typological features of the paremiaes as units that are not only representatives of typical situation and convey expressive atmosphere of early Gogol's prose. They increase the stylistic effect and help to realize author's efforts. Actually paremiaes are examined as units with the programmed pragmatic effect, in this case they form the folk comic culture.

Key words: paremiae, literary text, folk comic culture.

Одержано 5.11.2014.